

Алексей Писемский

Горькая судьбина

Алексей Феофилактович Писемский

Горькая судьбина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661515

*А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 9: Издательство «Правда»,
биб-ка «Огонек»; М.: 1959*

Аннотация

«Хорошая крестьянская изба. В переднем углу стол, накрытый белой скатертью, а на нем хлеб с солью и образком.

Старуха Матрена сидит на одной лавке, а на другой баба Спиридоньевна.

Спиридоньевна (*глядя в окно*). Не видать, баунька... Ничуть еще!...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Явление I	7
Явление II	13
Явление III	24
Явление IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алексей Феофилактович
Писемский
Горькая судьбина
Драма в четырех действиях

Действующие лица

Чеглов-Соковин – молодой помещик.

Золотилов, зять его, – помещик пожилых лет и уездный предводитель дворянства.

Калистрат Григорьев – бурмистр Чеглова-Соковина.

Ананий Яковлев – оброчный мужик Соковина, промышленный в Петербурге.

Лизавета – жена Ананья Яковлева.

Матрена – мать Лизаветы.

Баба Спиридоньевна – соседка Матрены.

Дядя Никон – задельный мужичонка.

Шпрингель – губернаторский чиновник особых поручений.

Исправник.

Стряпчий.

Сотский.

Мужики: Федор Петров; выборный; Давыд Иванов; молодой парень; кривой мужик; рябой мужик; понятые; бабы.

Действие происходит в деревне Соковина.

Действие первое

Хорошая крестьянская изба. В переднем углу стол, накрытый белой скатертью, а на нем хлеб с солью и образком.

Явление I

Старуха Матрена сидит на одной лавке, а на другой баба Спиридоньевна.

Спиридоньевна (*глядя в окно*). Не видать, баунька... Ничуть еще!

Матрена. Ну где еще чуть! Поди, чай, дорога-то переметенная, все лошадке-то в упор... Прут, чай, шагом.

Спиридоньевна. Да кто, баунька, стрешником-то к нему поехал?

Матрена. Кто стрешником?.. На чужой уж, мать, подводе поехали; дядя Никон, спасибо, поохотился, нанялся за четвертачок, да чтобы пивца там испить, а то хоть плачь: свой-то, вон, пес работник другую неделю заехал на мельницу и не ворочает.

Спиридоньевна. А Лизавета-то, баунька, поехала?

Матрена. Поехала... женино тоже, мать, дело: как было не стретить... О, господи, господи... грехи наши тяжкие, светы наши темные!

Спиридоньевна (*осклабляясь*). Опасается она, поди, баунька, его шибко?

Матрена. Как бы, кажись, мать, не опасаться! Человек этакой из души гордый, своеобышный... Сама ведаешь, родителю своему... и тому, что ни есть, покориться не захотел: бросивши экой дом богатый да привольный, чтобы только не

быть ни под чьим началом, пошел в наше семейство сиротское, а теперь сам собою раздышамшись, поди, чай, еще выше себя полагает.

Спиридоньевна. Как не полагать! Может, мнением своим, сударыня, выше купца какого-нибудь себя ставит. Сказывали тоже наши мужички, как он блюдет себя в Питере: из звания своего никого, почесть, себе и равного не находит... Тоже вот в трактир когда придет чайку испить, так который мужичок победней да попростей, с тем, пожалуй, и разговаривать не станет; а ведь гордость-то, баунька, тоже враг человеческий... Может, за нее теперь бог его и наказует: вдруг теперь экую штуку брякнут ему!

Матрена. Да, эку штуку брякнут!.. Может, и жизни ее не пощадит: немало я над ней, псовкой, выла; слез-то уж ажно не хватает... «Вот, говорю, Ананий Яковлич из Питера съедет; как нам, злодейка, твое дело ему сказывать!» – «Что ж, говорит, мамонька, не твое горе: я в грехе, я и в ответе».

Спиридоньевна. А ребенок-то где, баунька? Зыбки-то, словно, не видать.

Матрена. В горенку перенесла; вчерася-тко-сь целый день с работницей оттапливала; мне-то ни слова не голчит, а, вестимо, ради того, чтобы не так уж очень прямо кинулся в глаза Ананью Яковличу.

Спиридоньевна. Знает уж он, чай, баунька... Поди, еще в Питере разболтали ему: хорошее-то слово лежит, а дурное-то бежит.

Матрена. Нету, родимушка, нету; тоже кто вот из землячков пойдет, пытала я молить да кланяться, чтобы не промолвились о том. Опасно тоже было: человек еще молодой, живет в Питере, слышамши про свое экое приключение, пожалуй, и сам с круга свернет... Не пожалела она, злодейка, ни моей старости, ни его младости!

Спиридоньевна. То, баунька, хоть бы с себя теперь взять, — баба еще не перестарок; добро бы она в наготе да в нищете жила, так бы на деньгу кинулась; а то, ну-ко, в холе да в довольстве жила да цвела.

Матрена. Народом это, мать, нынче стало; больно стал не крепок ныне народ: и мужчины и женщины. Я вот без Ивана Петровича... Семь годков он в те поры не сходил из Питера... Почти что бобылкой экие годы жила, так и то: лето-то летенски на работе, а зимой за скотинкой да за пряжей умаяешься да упаришься, — ляжешь, живота у себя не чувствуешь, а не то, чтобы о худом думать.

Спиридоньевна. Это, баунька, что? Кто богу хоть бы этим не противен, царю не виноват: я сама, грешница великая, в девках вину имела, так ведь то дело: не с кем другим, с своим же братом парнем дело было; а тут, ну-ко, с барином... Как только смелости ее хватило... И говорить-то с ними, по мне, и то стыдобушка!

Матрена (*махнув рукой*). Не знаю, кто уж с кем у них заговаривал... Глупая да старая тоже ныне стала... Этта вот по осени болесть-то эта со мной была, так и остатки все из-

забыла; а тоже помню, как он в те поры впервые в избу к нам пришел... Я на голбце лежала, соскочила. «Здравствуйте, говорю, ваше благородие!» А Лизунька-то что-то у печки тут возилась. «Здравствуй, говорит, старуха», и прямо к ней. «Твоими бы руками, Лизавета, надо золотом шить, а не кочергами ворочать. Ишь, говорит, какая ты расхорошая». А она, пес, стоит да ухмыляется ему. Я сглупа тоже поклонилась ему. «Благодарим, говорю, батюшко, покорно за ваше ласковое слово...» С этой, что ли, поры у них и пошло, — прах их знает!

Спиридоньевна. Много у них места-то, баунька, и без твоей избы было. В позапрошлую жниву барская помочь была, коли помнишь... Барин целый день-деньской у Лизаветы с полосы не сошел, — все с ней разговаривал.

Матрена (*разводя руками*). Ну вот!

Спиридоньевна (*продолжая*). Да, а тут как пошабашили, народ тоже подпил: девки да бабы помоложе, мало еще, кобылы экие, на полосе-то уходились, стали песни петь и в горелки играть. Глядь, и барин к ним пристал: прыгает, как козел, и все становится с твоей Лизаветой в паре и никак ладит, чтоб никто ее не поймал. Дивовали, дивовали мы в те поры: «Чтой-то, мол, это, матоньки мои, барин-то уж очень больно Матренину Лизавету ласкает?»

Матрена. Ничего я, мать, не знала и не ведала... Слеп, видно, материнской-то глазок на худое в детках. Как бы не у матери родной, а у свекрови злой жила, так не посмела бы

этого сделать. Хошь тоже много спасибо и добрым людям: подвели, может, да подстроили...

Спиридоньевна. Один у нас, голубонька, добрый человек, злодей наш бурмистр Калистрат Григорьич; вся деревня голосит теперь о том, не зажмешь рты-то. Кому теперь, окромя его, наустить господина на женщину замужнюю, а теперь, ну-ко, экими своими услугами да послугами такую над ним силу взял, что на удивленье: пьяный да безобразный, говорят вон дворовые, с праздника откедова приедет, не то, чтобы скрыться от барских глаз, а только то и орет во все горло: «Мне-ста барин все одно, что младший брат: что я, говорит, задумаю, то он и сделает...» Словно, мать, колдовство какое над ним сотворил, – право-тка!

Матрена. Ну, матушка, мудреное ли это колдовство: человек умный, богатый да лукавый! В те поры, как с злодейкой-то моей это приключилось, он приходит ко мне. «Матрена, говорит, у тебя баба без мужа понесла; мотри, чтобы она над собой али над ребенком чего не сделала, – ты за то отвечать будешь». Я так, мать, и ахнула, ничего того не думаючи и не ведаючи; а она, псовка, и входит на эти слова. Я было накинута на нее, а он на меня затопал. «Не трожь, говорит, ее; сам барин про то знает и простил ее».

Спиридоньевна (*взглянув в окно*). Едут, баунька, едут!..

Матрена. Ну вот, слава те, царица небесная! Стать было: с хлебом и с солью тоже стретить охота. (*Берет со стола хлеб и становится против дверей.*)

Спиридоньевна (*продолжая глядеть в окно*). Рядом, баунька, Ананий-то Яковлич с Лизаветой сидят. На-ка, глянь, под руки ее посадил; таково ласково; ничего еще, сердешный, видно, не знает!

Явление II

Входят Ананий Яковлев в сибирке хорошего сукна, Лизавета и дядя Никон с кисой на плече.

Дядя Никон. Вот те, бабушка, купца питерского привез!.. У меня лошадь важная: сто пудов вали на нее, свезет, – верно!

Ананий Яковлев сначала помолился перед образом, потом поклонился три раза матери в ноги и, приложившись к иконе, поцеловался с ней.

Матрена. Здравствуй, батюшка, сокол мой ясный!

Дядя Никон. Кланяйся, брат Ананий Яковлич, и мне в ноги; сделай и мне это почтение... *(Берет от Матрены хлеб с солью.)*

Ананий Яковлев *(слегка улыбаясь)*. Что ж, отчего? Можем-с!.. *(Кланяется дяде Никону вполспины, потом целует-ся с ним.)*

Дядя Никон. Вот это, брат, так... ладно... Стариков, брат, уважай... На стариковском, значит, разуме свет держится, аки на китах-рыбах, – верно!

Ананий Яковлев *(жене)*. Возьмите уж и вы-с!

Лизавета, конфузясь, берет хлеб с солью; Ананий Яковлев кланяется ей в ноги и потом целует ее.

Матрена *(толкая дочь)*. Поклонись, дура, сама-то ему в ноги!

Лизавета кланяется;

Ананий Яковлев поднимает ее и опять целует.

Спиридоньевна (*жеманно*). Здравствуйте, батюшка, Ананий Яковлич, какой нарядный да хороший стали! Как живете-можете?

Ананий Яковлев. Ничего-с: поманеньку, бог грехам терпит... (*К дяде Никону*.) Одолжите, пожалуйста, на минуточку кису-то.

Дядя Никон (*сбрасывая с плеча кису*). На-те вот вам черта-борова какова... Девки и бабы... значит... иди сюда, лапки! Всем будут подарки...

Ананий Яковлев (*вынимая из кисы драдедамовый платок и подавая его матери*). Пожалуйте-с!

Матрена (*целуя его в локоть руки*). Ай, батюшка, благодарствую, красавец мой бриллиантовый!

Спиридоньевна. Ну вот, баунька, настоящий тебе старушечий: к лицу будет... очень пойдет.

Матрена. Нешто, мати!.. Наряжают да ублажают меня, а я, старая, и поблагодарить-то не умею как хорошенько.

Ананий Яковлев (*вынимая из кисы кусок шелковой материи и подавая его жене*). Это для вас теперь... Пожалуйте-с!..

Лизавета молча берет и целует у мужа руку.

Спиридоньевна (*рассматривая с завистью подарок Лизаветы*). Вона, мать, гарнитуры-то какие: мы и не видавали здесь таких. На-ка, и бархатцу-то на оторочку привез.

Словно кукла нарядная, будешь ходить у нас в шелках да в бархате.

Ананий Яковлев (*Спиридоньевне*). А вас, извините на том, не чаял здесь захватить... Позвольте, по крайности, хоть полтинничком поклониться... (*Дает ей полтинник.*)

Спиридоньевна. Ой, чтой-то судырь-батюшка!.. Оченно вам благодарна... (*Целует у него руку.*)

Дядя Никон. А мне дляче красной шапки не привез? Это уж, брат, не ладно, право!

Ананий Яковлев. Ныне народ-то прозорлив стал: и без красной шапки понимают человека.

Спиридоньевна. Уж именно, судырь!.. Может, наскрозь видят, кто каков есть человек.

Матрена (*зятю*). Садись, батюшка, за стол-то... (*Дочери.*) Поди там, вынимай из печи-то, что есетко... (*Спиридоньевне.*) Анна Спиридоньевна! Потрапезуй, матка, с нами... (*Дяде Никону.*) Полно, старый хрен, болтаться-то тут тебе, словно мотовило. Залезай в передний-то угол.

Дядя Никон (*сядась*). Залез, баушка!.. Я те водки привез, ей-богу! Шельма твой Анашка, питерский, ведь, кулак, распоясал мошну на один полштоф да и думает: баста! «Нет, брат, говорю, шалишь! С тетки Матрениным пирогом еще надо водку пить!..» (*Вынимает из кармана полуштоф и гладит его.*) Вот оно, благословенное-то мое!.. Вынимай, баушка, ковши да ендовы!

Матрена (*ставя из шкафчика небольшие стаканы*).

Пьешь и стаканчиками, — ныне вино-то дорогое!

Все садятся за стол;

Лизавета подает щи и свеженину.

Ананий Яковлев (*жсене*). Что ж, садитесь и вы! Маменька, позвольте им-с! Давно тоже мы рядком-то с ней не сиживали.

Матрена (*дочери*). Садись!

Дядя Никон (*первый наливает и пьет*). Здравия желаем, с похмелья умираем: нет ли гривен шести, душу отвести...

Матрена (*Спиридоньевне*). Анна Спиридоньевна, выпей, матушка!

Спиридоньевна. Ой нет, баунька, неохота что-то.

Матрена. Да полно, чтой-то! Ты попригубь, так, может, и понравится.

Спиридоньевна (*выпивая*). С Успеньева дни, мать, не пила. Да сама-то ты выпей, хозяйюшка почтенная!

Матрена. О, полно-ко, мать, какая уж я пивица... (*К зятю*.) Ты сам-то, батюшка, не выпьешь ли хоть перед хлебом-то с солью?

Ананий Яковлев. Нет-с, благодарю; не имею той привычки.

Дядя Никон. Вот Лизунька так выпьет, потому самому... с радости... муж приехал... веселей, значит, принимать его будет: вино, значит, теперь дух человеку дает, — верно!

Ананий Яковлев. Пошто им пить? Что это за глупые речи: скучно даже слушать!

Спиридоньевна. Что, батюшко, Ананий Яковлич, вологодским трактом, чай, изволил ехать?

Ананий Яковлев. Нет-с, какое тут вологодский! Пустое дело это нынче тракт стал: почесть, что заброшен! Теперь чугунка народу тысячи по три зараз везет и, словно птица, летит: верст по тридцати в час уходит.

Матрена и **Спиридоньевна** (*в один голос*). Ой, батюшки, чтой-то? Будто уж и по тридцати верст?

Ананий Яковлев. Это еще не так очень много... так как, значит, дело это еще у нас внове: так опасаются тоже маненько; а что в иностранных землях она и шибче того ходит!.. Теперь, хоша бы насчет времени этим большое сбережение... значит, и на харчах барыш; бока тоже не наломает; сидишь, словно в комнате, не тряхнет, не вальнет: штука отменная-с!

Дядя Никон. Это, брат, я знаю... видал... Теперь тысяча человек едет... Машина с дом... а лошадей четверка только везет, ей-богу!.. Потому самому дорога гладкая... по этому... по шоссе идет...

Ананий Яковлев (*несколько потупившись*). Никакой тут лошади нет-с... ни единой... А ежели и есть какая, так ее самое везут... Вы это, может, дилижанец видали; а чугунка другое дело: тут пар действует.

Спиридоньевна. Да как же это, батюшки, пар-то? Он у нас токмо что в бане и есетка, да горшки им парить умеем.

Матрена. Дошел, видно, нынче народ до всего.

Дядя Никон. И это, брат, знаю, что ты говоришь, и то знаю!.. А вы уж: ах, их, ух!.. И дивуют!.. Прямые бабы, право! Митюшка, кузнец, значит, наш, досконально мне все предоставил: тут не то что выходит пар, а нечистая, значит, сила! Ей-богу, потому самому, что ажно ржет, как с места поднимает: тяжело, значит, сразу с места поднять. Немец теперь, выходит, самого дьявола к своему делу пригнал. «На-ка, говорит, черт-дьявол этакой, попробуй, повози!»

Спиридоньевна. Ой, полно-ко, чтой-то все чертыкаешься: нашел место за столом.

Дядя Никон. Ей-богу, так, курносая! А ты что думала: я больше его знаю... что он бахвалит?

Ананий Яковлев (*солидно*). Никакого тут дьявола нет, да и быть не может. Теперь даже по морской части, хошь бы эти паруса али греблю, как напредь того было, почесть, что совсем кинули, так как этим самым паром стало не в пример сподручнее дело делать. Поставят, спокойным манером, машину в нутро корабля; она вертит колеса, и какая ни на есть там буря, ему нипочем. Как теперича стал ветер крепчать, развели огонь посильнее, и пошел скакать с волны на волну.

Матрена. Ничего, мать Спиридоньевна, мы, век-то с тобой изживучи, не увидим.

Спиридоньевна. Какие уж мы, баунька, видалыщицы; только на осины да на березы и гляди, сколько хошь... Вона Лизавета, поди, чай, побывает с мужем в Питере, наглядится на все!

Ананий Яковлев. Дляче им не побывать!.. Может быть, даже нынешним годом этот случай приладим. Чем чужую кухарку нанимать, так лучше своя будет.

Лизавета (*вспыхивая*). Где уж нам, судырь, в Питер ехать: женщины мы деревенские, небывалые, и глядеть мы по-тамошнему не умеем, а не то, что говорить.

Ананий Яковлев. Что ж вы так себя очень низко ставите; а как мы тоже Питер знаем, так вам надо быть там не из худых, а, может, из самых лучших; по крайности я так, по своему к вам расположению, понимаю.

Дядя Никон. Ты, Анашка, меня, значит, в Питер возьми, ей-богу, так! Потому самому... я те все документы представить могу. Меня, может, токмо што в деревне родили, а в Питере крестили, – верно! Теперь барин мне, значит, говорит: «Никашка, говорит, пошто ты, старый пес, свои старые кости в заделье ломаешь, – шел бы в Питер». «Давайте, говорю, ваше высокородие, тысячу целковых; а какой я теперича человек, значит, без денег... какие артикулы могу представить али фасоны эти самые... и не могу».

Ананий Яковлев. В Питере-то и без ваших денег много в кабак уходит... (*Обращаясь к Спиридоньевне.*) Опять теперь, Анна Спиридоньевна, насчет того же пару...

Спиридоньевна. Да, да, батюшко, голубчик, поговори-ка о хорошем: больно повадно твои умные речи слушать-то.

Ананий Яковлев. Ни одной, почесть, фабрики нет без

него. На другую, может, прежде народу требовалось тысячи две, а теперь одна эта самая машина только и действует. Какие там станы есть али колеса, все одна ворочает: страсти взглянуть, когда вот тоже случалось видать, и человек двадцать каких-нибудь суется промеж всего этого, и то больше для чистоты.

Дядя Никон. Ты теперича, Анашка, говоришь: машина!.. Что такое значит машина?

Ананий Яковлев *(не обращая на него внимания)*. Начальство теперь насчет только того в сумнении находится, что дров оченно много требуется... леса переводятся... ну так тоже землю этакую нашли... болотину, значит, с разными этакими кореньями, пнями в ней... Все это самое прес-суют, сушат, и она гореть может! Каменный уголь тоже из иностранных земель идет и тем большое подспорье для леса делает.

Дядя Никон. Ты не можешь знать, что такое машина, потому самому – ты человек торговый, а человек мастеровой, значит, знает это. Ты теперича знаешь Николу Морского?

Ананий Яковлев *(улыбаясь)*. Как не знать-с: церковь известная.

Дядя Никон. Я теперича эту самую, значит, колокольню щекотурил. Теперича, значит, машина сейчас была не в своем виде, я... трах... упал... сажень сорок вышины было... барин тут из военных был: «Приведите, говорит, его, каналью, в чувство!..» Сейчас привели... Он мне два штофа вод-

ки дал, я и выпил.

Спиридоньевна. Как ты, старого хрыча, всего не расшибло: с этакой вышины кувыркнулся.

Ананий Яковлев. Верно ли вы расстояние-то промеряли?.. А то словно бы, кажись, как с сорока-то сажен человек слетит, так водки не захочет.

Дядя Никон. О, черт, дьявол, право! Не захочет?.. Захотел же! Вот и теперь выпью, – верно! (*Пьет.*) В главнокомандоческом тоже доме графа Милорадыча в зале, с двойным просветом, карниз выводили, так тоже надо было, паря, каждую штуку потрафить. Я как теперича на глазомер прикинул, так и ставь тут: верно будет.

Ананий Яковлев. Всему делу, выходит, уставщик вы были?

Дядя Никон. Был, брат, я всем... Теперича, что такое значит мастеровой человек али купец? Я теперича свое дело в своем виде представить должен... А что теперича торговый?.. Торговый человек... на вот тебе, значит, на грош говядинки купил, а на гривну продал... Торговый человек, значит, плут!

Ананий Яковлев. За што же вы так все звание порочите; мы тоже места имеем; раз обманул, так другой и брать не станут.

Дядя Никон. Не станут, да! Что такое теперь, значит, купец? Мыльный пузырь! Трах! Ткнул его пальцем – и нет его! А мастеровой человек... Графу Милорадычу теперь надо ко-

ляску изготовить, платье себе испощить, супруге своей подарком какую-нибудь вещь сделать, – мастеровой человек и будь готов, сейчас команда: «Пошел во дворец!» – и являйся.

Ананий Яковлев. Нет-с, это словно бы не так! Торговый человек завсегда должен паче себя наблюдать, чем мастеровой. У нас теперь, по нашей разносной торговле, может, праздника христова нет, все мы перед публикой на глазах быть должны, а мастерового человека мы тоже знаем: шесть дней поработал, а седьмой, пожалуй, и в кабаке за бочкой проваляется.

Дядя Никон. Никогда этого не может быть. Я теперича мастеровой человек; а уж бабе меня не надуть, – шалишь!

Все бабы бледнеют: Никон тянется за водкой.

Спиридоньевна *(не давая ему)*. Полно-ко, полно, старый пес, и то уж налопался: говоришь, не известно что.

Матрена. Шел бы, батюшко-старичок, домой... тоже умаялся, чай, с дороги. Из кушанья ничего уж больше не будет, извини на том!

Дядя Никон *(не обращая ни на кого внимания)*. У меня теперь, слава те господи, полна изба ребят, а все мои, все Никонычи, как раз так пригнано, – верно! А у торгового человека, может... да... торговому, видно, во всем от бар счастье, и тут лишняя копейка даром перепала.

Ананий Яковлев. К чему же это вы речь вашу такую клоните? Мудрено что-то уж очень заговорили.

Лизавета и **Матрена** сидят как полумертвые.

Спиридоньевна. О, мелево, мелево и есть человек! За хозяйским кушаньем сидит, хозяйское вино пьет, а только обиды экие говорит, — глупая башка этакая!

Дядя Никон. Что ж сидит? Я и встану... (*Встает из-за стола.*) За что он теперь сердце мое раздражает? Что он за человек теперь выходит, коли я одним словом его оконфузить могу?

Ананий Яковлев. Какое же это слово такое, чтоб оконфузить меня?

Дядя Никон. Слово, да! Что ты, купец али генерал?.. Барский свояк ты и больше ничего... Чей у тебя ребенок, ну-ко говори!.. В том, значит, только и счастье твое, что твоя коренная у барина на пристяжке пошла, право, черти, дьяволы экие!.. (*Уходит*).

Явление III

Те же без Никона.

Ананий Яковлев (*стремительно вставая из-за стола*).

Фу ты, господи, твоя воля! За что этот человек облаял, обнес тебя экими словами?

Спиридоньевна (*струся*). Пора, однакоче, домой. Прощай, баушка Матрена!.. Прощай, Лизавета Ивановна!.. Прощайте, батюшка Ананий Яковлич!

Ананий Яковлев (*торопливо*). Прощайте-с!

Спиридоньевна уходит.

Ананий Яковлев (*теще*). Что это, маминька, за слова его были?

Матрена (*помолчав*). Ну, батюшко, изволил, чай, слышать.

Ананий Яковлев. Про какого он это тут ребенка болтал?

Матрена. Может статься, про Лизаветина паренька говорил.

Ананий Яковлев (*поблуднев*). Про какого это Лизаветина паренька?

Матрена. Паренек у нее... полутора месяца теперь.

Ананий Яковлев. А!! Дело-то какое... (*Матери.*) Теперь, маминька, значит, поведы́те маненько.

Матрена. Помилуй, батюшко, ты ее хоть сколько-нибудь!.. Накажи ты ее сколько хошь: пусть год-годенской про-

лежит!.. Не лишай ты только ее жизни, не ради ее самое, злодейки, а ради своей головушки умной да честной... (*Кланяется ему в ноги.*)

Ананий Яковлев (*поднимая ее*). Нет, ничего-с... Пожалуйте только, повыдьте-с.

Явление IV

Ананий Яковлев и **Лизавета**.

Некоторое время продолжается молчание; Ананий Яковлев смотрит Лизавете в лицо; та стоит, опустив глаза в землю.

Ананий Яковлев. Что ж это вы тут понаделали, а?

Лизавета молчит.

Ананий Яковлев. Говорите же! Отвечайте хоша что-нибудь!..

Лизавета. Что мне говорить?.. Никаких я супротив вас слов не имею. Какая есть ваша воля надо мной, такая и будет.

Ананий Яковлев (*усмехаясь злобно*). Гм... воля моя!.. (*Приосанившись.*) С кем же это, выходит, любовь ваша была?

Лизавета. Никон Семеныч говорил вам. Что ж? Слова их справедливые были.

Ананий Яковлев. Ничего я его глупых слов не понял!.. (*Опять молчание.*) Он тут про барина что-то болтал.

Лизавета. А кто же окромя их?.. Они самые.

Ананий Яковлев. Да, так вот оно куды пошло... В высокое же званье вы залезли!

Лизавета. Не по своей то воле было: тогда тоже стали повеленья и приказанья эти делать, как было послушаться?

Ананий Яковлев. Какие же это могли быть повеленья и приказанья? Ежели теперича, как вы говорите, силой вас к

тому склоняли, что же мать ваша — потатчица — смотрела? Вы бы ей сейчас должны были объявление сделать о том.

Лизавета. Ничего мамонька про то не ведали; могла ли я, ради стыда одного, говорить им про то? Только бы их под гнев подвела. Какая могла от них помощь в том быть?

Ананий Яковлев. Ах ты, лукавая бестия! Коли ты теперича так мало чаяла помощи в твоей матери, дляче ж мне не описала про то? Это дело столь, значит, дорого и чувствительно для души моей, что я, может, бросимши бы все в Питере, прискакал сюда честь мою соблюсти... Теперь тоже, сколь ни велика господская власть, а все-таки им, как и другим прочим посторонним, не позволено того делать. Земля наша не бессудная: коли бы он теперича какие притеснения стал делать, я, может, и до начальства дорогу нашел, — что ж ты мне, бестия, так уж очень на страх-то свой сворачиваешь, как бы сама того, страмовщица, не захотела!

Лизавета *(начиная плакать)*. Ни на што я не сворачиваю; а что, здесь тоже живучи, что мы знаем? Стали страшать да пугать, что все семейство наше чрез то погибнуть должно: на поселенье там сошлют, а либо вас, экого человека, в рекруты сдадут. Думала, чем собой других подводить, лучше на себе одной все перенести.

Ананий Яковлев *(ударив себя в грудь)*. Молчи уж, по крайности, змея подколотная! Не раздражай ты еще пуще моего сердца своими пустыми речами!... Только духу моего теперь не хватает говорить с тобою как надо. Хотя бы и бы-

ло то, чего ты, вишь, очень уж испугалась, меня жалеючи, так и то бы я легче вынес на душе своей: люди живут и на поселеньях; по крайности, я знал бы, что имя мое честное не опозорено и ты, бестия, на чужом ложе не бесчестена!

Лизавета продолжает плакать.

Ананий Яковлев (*начав ходить по избе*). То мне теперича горчей и обидней всего, что, может, по своей глупой заботливости, ни дня, ни ночи я не прожил в Питере, не думая об вас; а мы тоже время свое проводим не в монастырском заточении: хоша бы по той же нашей разносной торговле – все на народе; нашлись бы там не хуже тебя, криво-рожей, из лица: а обращеньем, пожалуй, и чище будут... За какие-нибудь три целковых на худое-то с тобой бы пошли, так я и то – помыслом моим, а не то что делом, – не хотел вниманья на то иметь, помня то, что я человек семейный и христианин есть!

Лизавета. Жимши за экие дальние места экие годы, станете ли без бабы жить? Как я могла то знать?

Ананий Яковлев. Нет, ты знала это, шельма бесстыжая! Коли бы я теперича на стороне какое баловство имел, разве я стал бы так о доме думать? Кажись, ни письмами, ни присылами моими забыты не были. О последней сохе писал и спрашивал: есть ли она, да исправлена ли?

Лизавета. Голова моя не с сего дня у вас все повинна и лежит на плахе: хотите – рубите ее, хотите – милуйте.

Ананий Яковлев. Твоя, вишь, повинна, а ты чужую взя-

ла да с плеч срезала, и, как по чувствам моим, ты теперь хуже
дохлой собаки стала для меня: мать твоя справедливо ска-
зала, что, видишь, вон на столе этот нож, так я бы, может,
вонзил его в грудь твою, кабы не жалел еще маненько самого
себя; какой-нибудь теперича дурак – сродственник ваш, му-
жичонко – гроша не стоящий, мог меня обнести своим сло-
вом, теперь ступай да кланяйся по всем избам, чтобы взгля-
дом косым никто мне не намекнул на деянья твои, и все, что
кто бы мне ни причинил, я на тебе, бестии, вымещать буду;
потому что ты тому единая причина и первая, значит, зло-
дейка мне выходишь... Ну, нюнить еще!.. Пока не бьют и не
тиранят, сколь ни достойна того... В жизнь свою, господи,
никогда не чаял такой срамоты и поруганья... Ну-ко, сказы-
вай, придумывай-ка, что тут делать, бестия ты этакая!.. (*Са-*
дится за стол и закрывает лицо руками; молчание.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.